

БРАТСКИЕ МОГИЛЫ 1812 ГОДА НА БОРОДИНСКОМ ПОЛЕ

Николай Иванов

В апреле 1961 года мне довелось принять для проведения срочной реставрации новый объект — церковь Рождества Христова в селе Бородине: в следующем году отмечалось 150-летие Отечественной войны 1812 года, а упомянутый храм местным колхозом был обращен в руины и служил местом добычи кирпича и щебня для строительства коровников и мощения дорог к ним. Знакомясь с историческим окружением села Бородине, прославленного в двух Отечественных войнах, я пришел в изумление, поскольку совсем не увидел братских могил 1812 года, хотя было большое число братских могил 1941 года в Можайске, Татаринове, Ельне, Рогачеве. В это время мне оказал огромную помощь и поддержку потомственный педагог, филолог и историк Алексей Николаевич Троицкий, подаривший мне путеводитель по Бородинскому полю, изданный в 1912 году. Этот путеводитель, помимо ценнейших сведений по Бородинскому сражению и войне 1812 года, имел уникальное приложение — карту Бородинского поля, снятую в 1912 году военными топографами Кожевниковым и Гришкевичем. На карте были показаны четыре братские могилы южнее станции Бородино, по четыре — при северной опушке Утицкого леса южнее Спасо-Бородинского монастыря и по восточному берегу ручья Огник близ Батареи Раевского, одна могила севернее сельца Князькова и еще одна — севернее дачи Гудкова, на берегу ручья Стонец.

Мне казалось, что, руководствуясь планом Кожевникова и Гришкевича, легче всего найти сразу три братских могилы на северной опушке Утицкого леса, у створа северной ограды Спасо-Бородинского монастыря. Но это лишь казалось... Весной 1962 года, когда зелень Утицкого леса еще не распустилась, я с компасом в руках вошел в лес по азимуту северной стены монастыря и почти тут же увидел признаки большой братской могилы: обвалка по периметру, высотой до 70 сантиметров, с растущими на этом возвышении дубами возрастом в 80–100 лет. Поскольку почти на этом же азимуте по плану Кожевникова и Гришкевича помечены в 50 метрах друг от друга еще две братские могилы, пришлось искать и их, но напрасно. Разгадка наступила в 1963 году. Оказалось, что граница леса с 1812 г. разрослась на север почти на 150 метров. Кроме того, при внимательном рассмотрении плана выявляется некий топографский дефект: нечеткое изображение еще одной братской могилы, которая в 1912 году была не в лесу, а на вырубке, вновь заросшей лесом к нашему времени. Эта могила и была мною обнаружена близ опушки Утицкого леса. И понятно, что возле нее никаких двух братских могил и не могло быть. Но нужно

было подтвердить раскопом правильность находки, а также продолжить поиски трех других могил — теперь уже не на опушке, а в глубине леса.

Осенью 1963 и весной 1964 года искаживал я предполагаемый участок Утицкого леса и по азимутам, и без них, «змейкой» и по прямой, но безрезультатно. И лишь 8 июля 1966 года, очень устав, я внутренне сосредоточился и просто взмолился: «Где же вы, ребята, лежите? Откликнитесь!» Тут же споткнулся, словно о сучок, на совершенно ровном месте и упал при выходе из леса на небольшую полянку с роскошным старым дубом посреди. Оглядевшись, я увидел небольшое, не более 20 см, повышение грунта в виде прямоугольника, напоминающее обрамление первой могилы. Чтобы не потерять этого места, я сделал топором затеску на деревьях, а по углам предполагаемой могилы вбил в землю колья. На следующий день, 9 июля 1966 года, сотрудник музея Пчелин Константин Николаевич — величайший энтузиаст и самоотверженный труженик, выхлопотал из ближайшей воинской части нескольких солдат на два дня разведочных шурфов. И вот что произошло. На могиле №1 было заложено два шурфа: один — в центре, а другой — близ западного угла могилы. В центре шурф углубили на 0,7 м — вдруг солдатик обеспокоенно выскочил из-за неприятного запаха, внезапно появившегося в шурфе. Вскоре запах улетучился, и раскоп был продолжен — появился 10-сантиметровый слой золы, древесного угля, крошево обгорелых костей и кристалликов медного купороса. Глубже пошел слой глины, толщиной около 15 сантиметров, а затем опять горелый слой, аналогичный верхнему. Вновь кратковременный неприятный запах. Так было пройдено 4 горелых слоя, разделенных глиняной засыпкой. Второй шурф, начатый одновременно с первым, близ края могилы, дал несколько другие результаты: здесь при углублении на 0,4 метра появился хорошо сохранившийся, не обгоревший человеческий скелет, а рядом с ним находилась грудная клетка лошади, тоже не обгоревшая, внутри которой находилось русское чугунное ядро диаметром в 151 мм. Ниже опять начались слои сожжения, с присыпками их слоями глины, как и в первом шурфе.

Главное было достигнуто. Сплошного раскопа не требовалось, чтоб не тревожить напрасно останки погребенных здесь в 1812 году.

На второй братской могиле в глубине Утицкого леса на поляне с дубом (упавшим 6 лет назад) был сделан всего один, и очень неглубокий, шурф — он дал часть русского мундира нового образца, бывшего в дивизии Неверовского. В этой же могиле встречались пуговицы дивизии

Компана. Сожжения в этой могиле не было и хоронили воинов враждующих армий вместе.

В июле 1966 г. произошло еще одно незабываемое событие... Однажды мы услышали из гущи леса мелодию, затем увидели человека, сидевшего на пенке с баяном. Он первый обратился к нам, поняв, для чего мы здесь. Этот человек сказал нам, что знает братскую могилу 1812 года недалеко отсюда, и повел нас через лесной бурелом, прекрасно ориентируясь, на запад — за старую дорогу Семеновское — Утица, южнее памятника Дорохову. Он привел нас к небольшому холму. Эта могила не была отмечена на карте Кожевникова и Гришкевича и нуждалась в археологической проверке. Человек же, «подаривший» музею третью братскую могилу, оказался местным жителем, народным композитором А.М.Хлимоновичем, пасшим в свободное от работы время коз и сочинявшим в такой обстановке музыку. И здесь, над вновь обретенной братской могилой, он сыграл и спел свою песню на стихи можайского поэта Артёмова. Песня эта, прозвучавшая ко времени и к месту в непролазном, сыром Утицком лесу у третьей братской могилы, еще ни на каких картах не отмеченной, растрогала нас до слез:

Был бой суровый Бородинский,
И друг и недруг ждал его.
Здесь дважды силой исполинской
Рождалось наше торжество.

Приве: Бородино, Бородино
В сердцах людей не умирает
Твой славный день, Бородино,
Тебя народ наш воспеваает.

Здесь что ни памятник, то слава
Полков российских и знамен.
Здесь что ни холм — своя Полтава.
Места, где бит Наполеон.

Приве.

Здесь горсть земли берут руками
И вслух клянутся: «Сохраним»,
Горжусь я этими полями,
И славу меряю по ним.

Приве.

Победу в сердце ты носила,
И ныне носишь. Не тая.
Здесь подвиг твой. Здесь ты, Россия,
Здесь слава гордая твоя.

Впоследствии, при обследовании шурфами, оказалось, что в этой могиле были погребены русские воины вместе с солдатами дивизии Компана из корпуса Даву, — это мы определили по пуговицам на мундирах, фрагменты которых хорошо сохранились. В 1966 году мною были сделаны проекты реставрации и благоустройства этих трех могил в Утицком лесу. Текст надписи принадлежит А.Н.Троицкому — «Братская могила воинов, павших за Отечество 26 августа 1812 года».

А теперь коротко об индивидуальных захоронениях на Бородинском поле. Начались они с Петра Ивановича Багратиона... Но пролежал он здесь спокойно лишь 93 года: в марте 1932 года, по распоряжению высочайших властей (для добычи чугуна) был взорван Главный монумент и разграблена могила Багратиона, считавшегося тогда «царс-

ким сатрапом»... Второе перезахоронение было произведено в 1912 году по случаю празднования 100-летней годовщины сражения — перевезли прах генерала Д.П.Неверовского из города Галле в Германии. Над его могилой тогда же за государственный счет был поставлен из черного шведского гранита новый памятник по проекту военного инженера Воронцова-Вельяминова. Памятник этот уцелел, кроме креста, который пришлось восстанавливать дважды — вначале в 1962 году, а потом в 1974-м. Третье перезахоронение состоялось уже в советский период, а потому имело некоторые особенности и сложности, свойственные этому времени. Все произошло 24 ноября 1964 года. В это время заместителем директора Бородинского музея был питомец Исторического музея Александр Сергеевич Якубовский, археолог. Это он заметил, что на кладбище рода Усовых (Митя Усов — герой книги Лажечникова «Сожженная Москва») в Старом Селе, при устье Колочи, местные вандалы систематически разбивают белокоренные саркофаги, мраморные кресты, надгробные гранитные колонны и стелы Усовых, используя камни для новых захоронений, — к этому времени уже бесследно исчезли надгробия вокруг храмов Бородина, Ельни, в Криушине, в Мокром, Колоцком и Спасо-Бородинском монастырях и большей частью в Лужецком монастыре. На древнем кладбище Старого Села, в 10 метрах от храма Одигитрии, находилась могила героя Бородинской битвы капитана лейб-гвардии Финляндского полка А.Г.Огарева — он был ранен картечью в ногу вечером 26 августа на опушке Утицкого леса, отнесен к проживающим вблизи знакомым или родственникам, где вскоре умер. В 1813 году родственники капитана Огарева поставили на его могиле природный гранитный валун треугольной формы, с надписью: «Капитан лейб-гвардии Финляндского полка Александр Гаврилович Огарев родился в 1785 году, скончался от раны, полученной в Бородинской битве, в 1812 году». А.С.Якубовский и ученый совет музея спасли надгробие, а для перезахоронения праха А.Г.Огарева избрали место у памятника лейб-гвардии Финляндскому полку, установленного в 1912 году близ станции Бородино, на месте боевых действий этого полка. Перезахоронение намечалось торжественное, но Министерство обороны ответило, что «Советская Армия не отдает воинских почестей царским офицерам». Заметьте: шел 1964 год, а не 1932-й, когда Петр Иванович Багратион именовался «царским сатрапом», а на северной стене Спасо-Бородинского монастыря метровыми буквами писали «Довольно хранить наследие рабского прошлого». И это не 1918 год, когда здесь, на Бородинском поле, ломали памятник лейб-казакам, как памятник «контре», не говоря уже о памятнике в селе Бородине Царю-освободителю Александру II, поставленному на средства местных крестьян. Однако Якубовский как-то это преодолел, и солдаты местного гарнизона держали над гробом капитана Огарева склоненными не только знамя своей части, но и подлинное батальонное знамя Фанагорийского гренадерского полка, специально вынесенное по этому случаю сюда из фондов музея.

Очевидно, здесь же местные жители погребли часть полностью погибшего на марше одного

из батальонов дивизии Полосухина в то время, когда не только станция, но и опушки Утицкого и Псаревского лесов были в руках у неприятеля. Красноармейцы лежали в разрытой нами траншее в шинелях, с телефонными аппаратами, с затворами карабинов, не снятых с предохранителей, с пистолетами, не вынутыми из кобуры. Всего из траншеи извлекли более 40 останков и перезахоронили в братскую могилу.

Четвертое перезахоронение останков героев Бородинской битвы было произведено 7 сентября 1966 года и приурочено к 154-й годовщине сражения. Делалось это вновь по инициативе Бородинского музея. Главным инициатором и основным исполнителем был сотрудник музея Николай Семенович Ильин. Теперь это касалось четырех однополчан, погибших в Бородинском бою и похороненных на Троицком кладбище Можайска, — капитана гвардейских егерей Левшина, капитана Преображенского полка Шапошников, а из Семеновского полка — двух друзей, поручика Татищева и прапорщика Оленина, убитых одним ядром. Надгробие Татищева и Оленина спланировал историк В.Н.Горохов. Место для перезахоронения музей определил в районе памятника кавалергардам. Проходило оно 7 сентября 1966 года очень торжественно. День был теплым и безоблачным. Около 10 часов утра центр Можайска был перекрыт для автотранспорта. Белые гробы были помещены на машину с открытыми бортами, украшенными зеленым плюшем с золотыми кистями. Затем процессия двинулась в Бородино с эскортом бронетранспортера и автобусов, оркестром и ротой почетного караула. До Горок ехали быстро, но от памятника Кутузову — через село Бородино, в район захоронения — траурная процессия двигалась медленным шагом под непрерывные звуки похоронного марша Шопена. Мимо старого здания музея процессия прошла около полудня. Огромная толпа местных жителей и приехавших на 154-ю годовщину сражения тянулась по дороге во всю ее ширину более полукилометра. На бронетранспортере развевались знамена двух эпох: 1812-го и современное. Многие участники процессии плакали... Торжественная церемония состоялась по всем правилам: с преклонением

знамен, салютом и прохождением роты почетного караула. К вечеру этого дня три свежих могильных холма утопали в цветах.

На Бородинском поле в разное время производились перезахоронения, вызванные различными обстоятельствами: проводкой водоснабжения, электрокабеля, реставрацией и благоустройством отдельных объектов и памятников. Места таких захоронений выявлялись, большей частью, случайно, неожиданно и также не фиксировались — во всяком случае, кроме плана съемки 1912 года Кожевникова и Гришкевича, никаких графических материалов в архивах не обнаружено. Так не прочитанные еще никем страницы уникальной книги истории исчезают навсегда...

Необходимость в образовании новых воинских захоронений стала возникать с началом археологических раскопок. Эта работа исполнялась археологом Е.И.Моревым из архитектурно-реставрационной мастерской № 5 института «Спецпроектреставрация» с 1972 по 1987 год. Сначала это были лишь разведочные шурфы для отыскания мест истинных рвов батареи Раевского и средней флешки Багратиона. Но главное началось с 1977 г., когда рвы указанных укреплений были наконец обнаружены и начался раскоп с одновременной реставрацией рва и бруствера. В 1978 г. огромное число захоронений было обнаружено при раскопках на проектируемой трассе газопровода в деревне Семеновское, когда была найдена еще одна батарея Багратиона, ров которой на всю глубину был завален погибшими воинами дивизии Нея и Фриана. Еще больше останков и экспонатов для музея было обнаружено в 1983–1985 гг. при раскопках и реставрации средней флешки и северного люнета Багратиона. В общей сложности с 1973 по 1984 г. археолог Е.И.Морев нашел более 400 останков воинов обеих армий.

По предложению музея было решено создать новое воинское кладбище и расположить его вблизи Спасо-Бородинского монастыря, между северным и южным люнетами Багратиона, по соседству с монастырским кладбищем. Захоронение всех останков воинов было произведено воинами Кантемировской дивизии 28 октября 1984 г., после окончания ими работ по реставрации

северного люнета и средней флешки Багратиона. В северной могиле теперь покоятся останки воинов с батареей Раевского, а в восточной — с Семеновской батареей, а в южной — со средней флешки Багратиона.

К настоящему времени на территории заповедника удалось обнаружить братских могил 1812 года намного больше, чем показано на плане Кожевникова и Гришкевича, но они еще не обследованы, а потому ни крестов, ни мемориальных досок на них еще нет.

